

Александр Носов

1914

История людей —
История войны,
Разнузданность
страстей
В театре сатаны.

К. Бальмонт

1

Париж ликовал, переполненный блеском электрических гирлянд, потрясенный непривычно яркими огнями. Совсем недавно построенная Эйфелева башня была объектом критики почти всех парижских газет. Но очерченная контуром электрических лампочек, она неожиданно стала привлекательной. Освещая небо ночного Парижа непривычно загадочным сиянием, башня была хорошо видна даже с самых окраин города, где проживала беднота, равнодушная к эпохальному событию — открытию Всемирной выставки.

Наконец-то человечество решило провести смотр своих достижений на рубеже XX столетия.

Париж изменился в канун открытия Всемирной выставки, стал праздничным и нарядным. Любопытные гости со всего мира съезжались сюда, как правоверные в Мекку, для празднования достижений торжества человеческого духа и прогресса цивилизации. Гости побогаче селились в дорогих гостиницах в центре города и с восторгом катались в автомобилях, а водители в кожаных куртках и защитных очках предупредительно распахивали дверцы. Любопытная публика добиралась в этот город из самых дальних уголков земли и селилась в дешевых отелях на окраинах, а для ночных прогулок выбирала направление по светящемуся силуэту Эйфелевой башни.

Рестораны и кафе были переполнены гудящей от восторга и причастности к эпохальному событию публикой.

Даже девицы с улицы Кличи и других значных районов искренне радовались достижениям человеческой мысли, увеличивающемуся количеству потенциальных клиентов. Добравшись из самых глухих уголков, некоторые неофиты прогресса попадали в жаркие и изощренные объятия парижских жриц любви и уже забывали о выставочных павильонах,

переполненных потрясающими образцами достижений техники, разума.

Более пятидесяти миллионов любознательных посетителей выставки, жаждущих прикоснуться к вершинам достижений цивилизации, уже истощили терпение местного населения. Утомленные гости и парижане с удовольствием попадали в алкогольный павильон возле Эйфелевой башни, где у красочного русского стенда бесплатно раздавали бутылки с водкой, прошедшей специальную очистку.

Высокий немец в пенсне вел мальчика за руку и тоже получил от усатого приказчика в белой косоворотке бутылку с яркой этикеткой. Его экономная душа возрадовалась, и он повернулся к тщедушному горбоносому французу, чей шустрый, как ртуть, сынок уже успел показать сверстнику язык и скорчить смешную рожицу.

Француз так и не нашел знакомых немецких слов, однако его живая натура требовала общения, и он жестами пригласил немца за столик кафе. Сначала они выпили дешевого вина, а затем решили попробовать удивительной водки. Нарядная и гудящая толпа так и не смогла отвлечь двоих почти немых собеседников, сумевших объяснить жестами, а дети уже подружились и склонили головы над открытками с изображением наиболее примечательных достижений Всемирной выставки.

Мальчишки не знали, что через десяток лет им суждено будет вновь встретиться в битве на Марне, холодной осенью, в развороченном снарядом окопе, и, вцепившись в горло друг другу, погрузиться в болотную жижу, так и не разжав пальцев.

Оказывается, в этом круговороте радости, света, прогресса уже была зачата и должна была родиться ужасная война, превосходящая по своей страшной силе все мыслимые представления ограниченного человеческого воображения. Постепенно война из мелких, почти опереточных стычек превращалась в могучий и совершенный фабричный механизм уничтожения миллионов жизней.

Совсем недавно верилось, что близок приход царства Божьего на землю и война казалась похожей на мифы, которые все любят пересказывать, но никто серьезно к ним не относится.

Взгляд непосвященного был не в состоянии разглядеть первые всходы войны, произраставшие в буйстве света и радости, ставшие привычными и очевидными.

В недрах штабов генералы, уже измученные однообразием мирного существования, составляли планы очередной войны. Выросли поколения генералов, измученных нереализованными амбициями, неудачной карьерой, возрастными

болезнями, мечтавших погубить миллионы, но оставить свое имя в анналах истории. Однако время шло и очередной план победоносной войны отправлялся пылиться на полки штабных шкафов.

Когда же в глубине земли накапливались невидимые силы, рвавшиеся наружу, начинались тектонические сдвиги в материках и, наконец, рождалась большая война.

Жрецы мая постигли опасную мощь, способную, как извержение вулкана, вырваться из недр земли. Постоянные кровавые жертвы могли на время ублажить и успокоить духов земли, но люди, ошибочно возомнившие себя выше богов, окутали свою душу, сознание иллюзиями силы прогресса и гуманизма и были обречены на жестокую расплату.

Дряхлые тела империй едва сдерживали рождение новых наций и народов. Как гранитные плиты, они были не в состоянии противостоять мощным, быстрым росткам, их разрушавшим.

Война готовилась разорвать и разметать глыбы Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской империй и похоронить под их осколками миллионы людей.

Деятнадцатилетний студент Гаврила Принцип, член организации «Млода Босния», 28 июня 1914 года в Сараево застрелил австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супругу, поджег фитиль Великой трагедии. Игроки

европейской большой политики стали объявлять войну и мобилизацию...

Бывший крестьянин, а теперь фаворит царской романовской семьи Григорий Распутин 29 июня подходил к маленькой церквушке в Тюменском уезде и даже не отмахивался от комаров, вероятно, узнавших родную кровь. Он приехал сюда ненадолго и надеялся через неделю вернуться в Санкт-Петербург, чтобы остановить царя у роковой черты истории. Григорий Распутин машинально благословлял прихожан, стремившихся поцеловать его руку. Вдруг крестьянка Хионина Гусева, в темном монашеском одеянии, склонившись перед проповедником, быстро вынула из-под сутаны нож и вонзила ему в живот.

Григорий почувствовал острую боль, но еще не понял случившегося, сделал несколько шагов и затем тяжело опустился на землю... Благодаря могучему здоровью он выкарабкался, но из больницы смог выйти только 17 августа, когда уже вовсю пылал костер войны. Распутин мог предотвратить вступление России в войну и был способен помочь императору Николаю II остановиться у рокового рубежа.

— Не объявляй мобилизацию, потеряешь трон, — звучало в ушах русского царя предупреждение Распутина, когда тот встал из-за

стола с подготовленным к подписи указом о мобилизации и растерянно прохаживался около большого глобуса, значительную часть которого занимала громадная Российская империя, уже готовая распасться.

Николаю II сейчас так не хватало этого уверенного голоса сибирского путника!

— Моих указов ожидают союзники, — наконец решил Николай II и, сев за стол, поставил свою подпись.

Через четыре года он и его большая семья будут зверски расстреляны в подвале Ипатьевского дома на Урале.

Миллионы мобилизованных стали наполнять здоровой крестьянской кровью ненасытную утробу войны, а ее тяжелые жернова — перемалывать человеческие судьбы.

2

Среди запутанного лабиринта крыш и шпилей храмов Лемберга в начале ушедшего века сначала набухал под лесами строек, а потом взорвался бутоном театр Оперы с необычно высоким куполом. Костелы и церкви, густо усеявшие панораму города и дававшие возможность общаться с Богом, недоумевали появлению еще невиданного храма искусств, где предстояло родиться новым

образам, созданным силой человеческого духа и таланта.

Воображение архитектора воплотило пышное увядание империи, характер своего времени, и здание расцвело, будто сентябрьская хризантема. Модный венский ренессанс, как губка, впитал все имперское разнообразие в помпезном облике театра, пышный фасад которого был щедро украшен балюстрадой и скульптурой. Венчали вход в театр крылатые музы, предрекавшие встречу с невиданной в те времена, но доступной даже простолюдинам, роскошью. Зрительный зал напоминал лиру с тремя полуокружностями балконов, украшенных декором и лепкой. Бронза и позолоченные детали интерьера, хрусталь, разноцветный мрамор и дорогие светильники сразу говорили переступившему порог театра, что открылись ворота в храм. И аллегорическая картина на занавесе со сценой в храме Аполлона настойчиво подсказывала, что здесь проросла античность и превратила театр в территорию свободы, где можно хоть на время освободиться от утомительной имперской строгости. В тяжелых позолоченных рамах зеркал посетителя встречало собственное отражение в непривычной роскошной обстановке. Белые рубашки, галстуки и модные нарядные костюмы подчеркивали особо торжественный настрой и значимость происходящего.

Тадей, сидевший в самом последнем ряду балкона, вытянул и без того длинную худую шею, пытаясь между темными силуэтами голов уловить тот счастливый миг, когда на сцене наконец появится знаменитая Примадонна. Пока что он восхищался грандиозным занавесом «Парнас», закрывающим еще молчащую сцену. Художник Генрик Семирадский за два года до кончины создал свое творение и подарил театру занавес, где торжество античности и классицизма достигло апогея.

На занятиях в академии Тадей бесконечное количество раз делал эскизы с гипсовых копий античных героев и богов, слушал длинные и скучные поучения профессоров, с брюзжанием прославлявших недостижимое мастерство древних мастеров-чудотворцев. «Парнас» был действительно бесподобен: яркое и сочное сочетание красок поражало; оцепеневшие зрители сразу попадали в объятия девяти муз среди классической архитектуры и итальянских пейзажей. Возле алтаря Аполлона Дельфийского мчалась четверка лошадей, запряженная в колесницу с зажженным факелом. Пред алтарем пророчествовала Пифия, жрица Аполлона, подняв руки и окутывая своим туманным взглядом каждого зрителя.

Потрясенный, Тадей даже в последнем ряду

самого удаленного от сцены балкона ощущал трепет и восхищение.

— Надо же, — он проглотил комок, застрявший в пересохшем горле, и представил величие происходящего. Работы самых известных художников в основном хранились в частных коллекциях богачей и аристократов или в редких и полупустых залах музеев.

В роскошно-сказочном убранстве театра занавес впитывал энергию тысячи взглядов и античность оживала, исчезала грань между грузом тысячелетий и серой тяжелой жизнью, оставшейся за массивной дверью театра.

Вдруг над темной оркестровой ямой появился дирижер и его поднятая над головой палочка резко опустилась вниз. Музыка вырвались из самого нутра театра и заполнила каждый уголок зала. Юное и чувствительное сердце Тадея, впервые увидевшего такое великолепие, затрепетало в предчувствии чуда.

Вдруг из-под купола послышался неземной голос и начал опускаться, парализуя публику своим божественным тембром. Густой частокол полутемных голов почти закрывал Тадею сцену и пришлось даже привстать, благо за спиной уже никого не было. Наконец он в лучах прожекторов увидел ожившую богиню, сошедшую на сцену и своим голосом покорившую зал. Сопрано

тоскующей мадам Баттерфляй заставило забыть о земных заботах, долгах, неоплаченных счетах, изменах и болезнях, преследовавших за стенами театра. Тысяча зрителей прикипела взглядами к сцене, где свершилось чудо превращения девушки из маленького галицийского городка в Примадонну, покорившую своим талантом лучшие оперные сцены мира. Певица была одна из них, обреченная прозябать в обыденной и серой жизни, и не у каждого в зале всегда хватало денег купить такие дорогие билеты.

Тадей долго откладывал деньги, экономя даже на скудном студенческом бытии. Еще за день до спектакля он старательно приводил в порядок свой потертый пиджак и тщательно гладил брюки, и в антракте старался спрятаться от громадных зеркал, куда торопилось попасть уважаемое панство. Партер переполнял цвет города, приходящий в роскошных нарядах из лучших магазинов Парижа и Вены. От дам в прекрасных платьях, с дорогими ожерельями на уже привядших шеях и перстнями на пухлых пальцах, казалось, исходил аромат не только изысканных духов, но и сказочной и беспечной жизни, переполненной постоянными поисками удовольствий и острых ощущений.

Тадей даже съежился, когда вспомнил, чем пришлось пожертвовать, чтобы хотя бы через эту замочную скважину посмотреть на праздник жизни.

— Мое почтение, пан студент, — вдруг услышал Тадей за спиной, когда попятился за колонну. Его встретил взгляд темных глаз невысокого, слегка полного человека в сером костюме-тройке; в облике незнакомца выделялся только фривольно завязанный галстук с красно-зелеными кубиками. Глаза начинающего художника сразу заметили некую схожесть пана с множеством подобных типов, бесцельно слоняющихся возле шинков, пивных или по бульвару Карла Людвига возле театра Оперы, небрежно помахивая тросточкой и с удовольствием раскачиваясь и снимая шляпу.

— Я бы и сейчас снял шляпу, пан студент, но оставил ее в гардеробе, — ответил Тадею, удивленному такой пронизательностью. — Позвольте представиться, Леон, — и слегка наклонил голову.

— Откуда вы меня знаете? — искренне удивился Тадей, на мгновение забывший пиршество театральной роскоши.

— Я в этом городе все знаю, — как-то загадочно ответил Леон, и его тросточка обернулась вокруг указательного пальца. — Пан студент, я чувствую, что вы поражены этой роскошью и даже немного подавлены. Но ведь это показная мишура, которая может слететь в любое мгновение, — Тадей словно ощутил давление темных мягких глаз и

беспокойство от назойливости странного собеседника.

— Вот как вы думаете, зачем я к вам привязался?

И снова, не дождавшись ответа, добавил:

— Потому что вы очень достойный молодой человек, способный на многое.

Тадей все ожидал звонка об окончании антракта, но спасение не торопилось.

— Здесь все скрывает тайны человеческой низости, пороков и тщеславия, замаскированных под добродетель и респектабельность.

Пан Леон с трудом прищурил свои круглые и черные, как спелые оливки, глаза и показал коротким толстым пальцем вниз:

— Пан студент, знаете, что там?

Тадей недоуменно пожал плечами, будучи не в состоянии постичь глубины мысли своего собеседника.

— Под этим роскошным театром, переполненным архитектурными изысками, позолотой и лепниной, громадными зеркалами? — вновь повторил пан Леон и, уже не ожидая ответа, убедившись в полной умственной несостоятельности всех окружающих, ехидно добавил:

— Грязь, потоки нечистот, что стекаются в речку Полтву, протекающую под самым театром, —

и, наконец успокоившись таким важным сообщением, словно выстрелил взглядом:

— Пан студент, скоро и сами узнаете, что скрывается под этим фальшивым блеском и позолотой!

— Вы знаете, что эта роскошь была свидетелем многих преступлений? — Пан Леон в восторге даже закатил свои темные глазки и причмокнул полными губами, словно восторгаясь невидимыми или уже давно забытыми событиями, потрясшими жизнь Лемберга. — Вы знаете, в Опере покончил с собой из-за несчастной любви окулист Бужинский, — и, довольный собой, пан Леон снова завертел тросточкой.

— Два года назад юрист и банкир Станислав Левицкий в припадке дикой ревности перед спектаклем влетел в гримерную певицы Янины Оленской-Шендерович и разрядил в прекрасное тело своей пани все патроны из барабана нагана.

Тадей ощутил, как изливания назойливого собеседника начали погружать его в какой-то транс.

— Вы только посмотрите на них, — и тросточка едва приподнялась в сторону представительного пана с немного поседевшей головой. Из-под расстегнутой полы дорогого темного костюма тускло поблескивала массивная золотая цепь, а пальцы были усыпаны перстнями. Под руку он вел роскошную даму в нарядном

розовом платье с богатым золотым шитьем вокруг воротника, открывающего привядшую шею, украшенную дорогими ожерельями.

— Паны Гусинские — богатые, знатные и всегда садятся в первом ряду перед сценой. Только это все маска, а живут каждый отдельно, он — с любовницей-секретаршей, а пани — с учителем музыки ее дочери, — скептическая улыбка всезнания растянула губы Леона.

— Пану студенту суждено еще многое, и с вами я встречусь снова, — ошарашенный неожиданными излияниями, Тадей даже замешкался и отвел взгляд на красивую белокурую девушку, пронзившую его взглядом голубых глаз.

Пан Леон словно где-то растворился, и растерянный студент заметил только молчаливую пустоту, даже обошел вокруг колонны, пытаясь разгадать очередную шараду странного незнакомца.

Прозвенел звонок и Тадей едва успел добраться на свой дальний балкон, как сразу начали гаснуть огни. Свет выделял и отделял сцену, где рождалось волшебное действие, и, наконец, появилась Примадонна.

Высокое сопрано прорезало зал, взлетело под самый купол и заполнило каждый уголок, долетело до ушей жаждущих прикоснуться к чему-то необычно высокому и значительному. Даже немного подвыпившие паны в конце зала у самой

двери, пришедшие под конвоем своих жен, учительниц женских гимназий, вдруг проснулись. Из полусладкой дремоты мягких бархатных кресел их вырвал необычный голос.

— Надо же, как поет, — недоумевал краснолицый пан и машинально стал доставать латунный портсигар, но, получив толчок острого локтя своей строгой супруги, сразу успокоился.

Зал театра еще задолго до начала спектакля был переполнен ожиданием волшебной сказки, которую только здесь можно было увидеть воочию.

Сегодня был особый день в жизни Лемберга, когда после долгих странствий по лучшим оперным сценам мира наконец должна была появиться знаменитая Примадонна. Несколько месяцев газеты захлеб смаковали подробности выступлений знаменитой землячки в театрах от Варшавы и Вены до Мадрида и Александрии. И сквозь пеструю вязь описаний оперных сцен, деталей роскошных нарядов и бесподобных декораций, восторга публики, сопровождающегося долгими овациями и громадными корзинами цветов, читатели газет упорно выискивали нечто другое, способное пощекотать нервы и заполнить сердца сладкой истомой.

Примадонна волею судьбы и большого таланта будто оказалась одной из небожителей, изображенных на театральном занавесе — ведь она

и в самом деле общалась с небожителями. Знаменитые Джузеппе Русситано, Энрико Карузо, Титто Руффо были постоянными спутниками ее артистической жизни с многочасовыми репетициями до полного изнеможения, а там и общий отдых...

Богатое воображение многочисленных почитателей словно сквозь замочную скважину пыталось увидеть, что скрывается за нарядами и роскошным убранством театральных действий, надеясь отыскать нечто порочное, способное сразу уравнивать измученного жизнью обывателя с Примадонной. Даже громкий удар от падения в соседнем ряду полутемного балкона не смог вывести из состояния оцепенения, вызванного удивительной экспрессией пения.

Тадей проглотил застрявший в горле комок и вытянул вперед худую шею, будто его неумолимо тянула сила Сирены на сцене и грозила полностью лишить самообладания и рассудка.

Профессор Высоцкий на лекциях о современном искусстве часто приводил в пример театральный занавес как почти недостижимый идеал. Тадей случайно прочитал на круглой тумбе объявление о приезде Примадонны и предстоящей премьеры «Аиды». Он дожевал последнюю булочку с маком и решил, что завтра будет самый удачный случай рассмотреть занавес на сцене театра. Только

вчера Тадей получил денежный перевод и ощутил себя почти сказочным Крезом.

Билет на место даже в самом дальнем углу театра оказался очень дорогим. Тадей замешкался перед кассиром в маленьком окошке.

— Будете брать? — уже с нетерпением повторил усатый кассир, а затем раздраженно взял деньги.

Тадей немного разбирался в музыке, но даже знаменитый «Парнас» не потряс его так, как появление Примадонны.

— Богиня, настоящая богиня! — наконец он нашел сравнение для передачи своих чувств. Сначала он побледнел от восторга, а затем стал краснеть и длинными тонкими пальцами вцепился в деревянные подлокотники кресла. Даже когда Примадонна, спев очередную партию и величаво поклонившись, ушла за кулисы, Тадей продолжал яростно хлопать уже в полной тишине, пока кто-то не толкнул его в бок.

Провинциальное воспитание на высоких идеалах, переполнявших гимназические учебники и учеба в академии с культом античной красоты до предела обострили и без того юную чуткую душу. Тадей все смутно надеялся, что когда-нибудь встретит в своей жизни нечто соответствующее мечтам и идеалам.

— Это она, единственная и неповторимая, —

наконец понял юный художник, переполненный взрывоопасной смесью любовного и творческого экстаза. Он не отрываясь смотрел на воплощение смутных грез и тихо радовался всему происходившему на театральной сцене.

Уже во втором действии переживания публики полностью слились с чувствами героев оперы, где рабыня Аида смогла царствовать и покорять. На сцену вернулись из царства мертвых фараоны, и казалось, вот-вот шагнут в зал и начнут устанавливать свою власть над презируемой ими чернью. На фоне декораций острых пиков пирамид Мемфиса и Фив и красноватого песка пустыни дочь эфиопского царя Аида, волею судеб попавшая в рабство, воспылала любовью к красавцу и храбрецу Радомега. Стройная и черноволосая Примадонна сумела полностью перевоплотиться в страстную любящую красавицу, готовую вместе с любимым добровольно уйти в царство мертвых и быть заживо погребенной.

В финальной сцене оперы экспрессия сопрано трехоктавного голоса Примадонны поглотила баритон Радомега, в порыве страсти покоряя даже каменные сердца. Кульминация оперного действия объединила все, ради чего строился и наполнялся роскошными интерьерами театр, создавались либретто и писалась музыка, оттачивали свое мастерство певцы и музыканты. Теперь все это

объединилось в едином порыве, и казалось, на сцене на мгновение встретилось божественное и земное.

Тадей впервые в театре увидел то, чего жаждала душа, и смутные, еще неосознанные желания, переполнявшие студента, наконец встретили достойный объект обожания. Примадонна своим чарующим голосом, казалось, проникла в его естество, в неведомые глубины богатого художественного воображения.

Экспрессия чувств Аиды заставляла трепетать души даже случайно попавших сюда зрителей. Сценическое действие вытаскивало из уголков памяти обрывки знаний о бесконечно далеком времени, и бурные чувства героев наполняли его жизнью.

Только когда в конце представления сцену заполнили все герои оперы, солдаты и фараон, зал начал выходить из транса. С окончанием последнего финального аккорда на мгновение публика умолкла и потом взорвалась.

— Браво, брависсимо! — громкие крики со всех сторон оглушили Тадея и заставили подняться с места. Он с трудом поверх голов взглядом искал Примадонну в яркой толпе персонажей. Корзинами и букетами цветов зрители выражали признательность таланту, а богатая публика демонстрировала свои финансовые возможности.

Тадей судорожно сжимал кулаки, видя, что внезапно вспыхнувшую любовь чувствуют также и зрители, а на сцене растет гора цветов.

Словно привязанные невидимыми нитями, зрители все не решались их оборвать и снова оказаться за стенами театра в однообразных буднях существования. Для особо избранных судьбой это станет поводом для очередного званого обеда или игры в покер, где с видом знатоков оперного искусства они будут обмениваться глубокомысленными репликами, подчеркивающими знание украшений и одежд Примадонны, видимых только из первых рядов.

Для большинства городского люда, мелких служащих, учителей и провизоров, клерков и даже студентов это была радость и праздник встречи с той жизнью, которую суждено только с восхищением созерцать.

Тадей в гуле начавшей расходиться публики остановился и смотрел, как постепенно таяли зрители в зале. После последнего поклона Примадонны на сцену медленно пополз занавес со сказочным «Парнасом». Бедный студент напрасно пытался влюбленным взглядом отыскать среди богов и муз, заполнивших Олимп, несравненную Примадонну. Его уже обученный художественным изыскам взгляд нашел в центре картины рядом с Пифией пустое место и представлял, как из-под его

кисти появляется светлый лик его богини.

— Пан студент, — вдруг кто-то позвал за спиной. Словно проснувшись, Тадей сначала хлопал ресницами, пытаясь прогнать с глаз пелену от этого наваждения и медленно повернулся. Никого, — но ему показалось, что среди зрителей он заметил ехидный взгляд пана Леона, который тут же исчез.

— Бывает, — успокоил себя студент и продолжал смотреть на пустую сцену, надеясь хотя бы раз увидеть лик своей несравненной симпатии.

Впервые посетив такое грандиозное действо, Тадей еще не обрел навыков театральных завсегдаев, знавших невидимые для непосвященных пути к своим кумирам. Среди тесного закулисья, переполненного декорациями и пугающими своими неземными обликами артистами с еще не снятым гримом только знаток был в состоянии найти путь к своей избраннице.

— Увижу ее, еще раз обязательно увижу, — тихо повторял юный поклонник, когда почти последним вышел за дверь театра.

— Пан, дайте на хлеб, — почти сразу встретил муторный человечешка в кепке, закрывавшей глаза.

— Сам голодаю, — без всякой злобы искренне ответил Тадей, поглощенный только что рожденной страстью.

Возле театра уже толкались продавцы

роскошных летних букетов для поклонников Мельпомены. Двое усатых полицейских в начищенных до блеска сапогах, в застегнутых под самое горло мундирах, положив руки на эфес длинных сабель у пояса, торжественно стояли у горящих фонарей, демонстрируя вездесущую власть императора.

Оказалось, что кроме Тадея, выхода Примадонны уже ожидали и другие многочисленные поклонники. Участники клубов хорового пения, так и не попавшие на представление, мечтали хоть здесь лицезреть гордость галицийской культуры. У самой двери несколько юрких и холеных поклонников поглядывали друг на друга, как петухи, словно готовясь встретиться в поединке за славу и честь недоступной Примадонны.

Вдруг словно разряд тока пронзил толпу поклонников и развернул в сторону выхода. Сначала из двери показалось несколько корзин цветов, а затем царственно вышла та, которая еще при жизни превратилась в полуземное существо. Элегантная шляпка со страусовыми перьями подчеркивала классическую правильность черт лица с чуть вздернутым носиком, высокий воротник обвивал стройную шею, еще недавно издававшую звуки сказочного пения, погрузившего в транс весь театр. Шляпы сразу слетели с голов, а

усатый пан с красными прожилками на толстом лице даже стал на колени и низко склонил голову.

— Превосходно, несравненно, — почти хором повторяли поклонники, а Примадонна прошла почти рядом с Тадеем, обдав запахом пьянящих духов и зрелой роскошной женщины, уже все познавшей в этой жизни. Сознание художника даже немного померкло от восторга и он понял, что окончательно погиб.

3

В Лемберге в трех кварталах от театра Оперы все события за пределами узкой полусонной улочки пока казались очень далекими и совершенно неважными.

Мария перед зеркалом пыталась еще раз утвердиться в своих достоинствах. Тугой корсет подчеркивал стройность ее юного тела. В белом воротничке платья изгибалась лебединая шея, а пухлые губы и темные блестящие глаза обязательно должны понравиться любому мужчине, понимающему толк в женской красоте.

— Хороша, — радостно произнесла девушка, повернувшись вполборота к зеркалу, и послала незнакомому воображаемому кавалеру острый и завлекающий взгляд.

— Мария, где ты? — донесся с первого этажа

раздраженный голос пани Ядвиги. Мария испуганно съежилась, бросила прощальный взгляд в зеркало и крикнула в ответ:

— Я здесь, сейчас спущусь.

Поправив прядь темных густых волос, Мария круто развернулась и легко сбежала вниз по деревянной лестнице, даже не держась за перила.

Пани Ядвига сидела, откинувшись на спинку массивного стула, у стола, покрытого скатертью с бахромой. Глухой воротник богатого платья не мог скрыть рыхлость увядающего тела.

— Надень мне туфли, — распорядилась она, вздрагивая животом при каждом слове. Мария привычно склонилась у ног старой пани и осторожно разминала и поглаживала ее ноги, а затем надела лакированные туфли.

На сморщенном лице пани Ядвиги появилось выражение удовольствия, и она прикрыла глаза.

— Хорошо, — похвалила она, почувствовав ласку нежных пальчиков девушки. Только Мария была способна надеть хозяйке модные, дорогие туфли, привезенные по заказу из Парижа. С возрастом пани все больше внимания уделяла каждой детали своего туалета, способного хотя бы частично замаскировать признаки неумолимого женского увядания.

На улице пани Ядвига не отпускала руку Марии. Пани Ядвига даже одевала Марию, как

настоящую молодую пани, а не обычную служанку, чтобы иметь возможность ходить с ней под руку, не чувствуя косых взглядов уважаемых панов.

Пани Ядвига прошла жестокую школу борьбы за существование и хорошо знала, что для нее самое важное. Она начала свой жизненный путь совсем молоденькой девочкой в борделе на соседней улице. Жесткий характер позволил ей выжить и не превратиться в одну из тех беззубых старух, которые копошились на мусорных свалках, а их тела часто находили замерзшими с первыми осенними холодами. Она быстро поняла, что главным качеством ее многочисленных клиентов была способность сразу и не скупясь платить за услуги. После того как один из ее первых посетителей жестоко обманул и даже обокрал Ядвигу, у нее появился защитник, решавший любые проблемы. Красавец с узкими усиками, в белых манжетах и с тросточкой, которая небрежно вращалась в его мягких руках, сразу покорила пани Ядвигу. Потеряв рассудок от страсти, она была готова на все ради Жоржа. Расплата за доверие была жестокой и неотвратимой: однажды утром обнаружила, что ее тайник, в котором хранила заработанные деньги, оказался пустым.

— Жорж! Только он мог сделать это! — Тогда все словно выгорело в пышной груди (возможно, это было и к лучшему). Став жестокой и

беспощадной, она сумела накопить деньги, а потом околдовать дряхлого старичка, у которого вечно трястись руки. После их венчания он вскорости неожиданно отошел в лучший мир, а пани Ядвига стала хозяйкой дома на узкой улочке недалеко от центра города.

Ядвига постигла все возможные жизненные утехи и знала, в чем радость и смысл жизни. Неумолимое время старалось взять у нее плату за неожиданный успех. Женщина, оставив свой тяжелый промысел, сразу располнела и обрюзгла. Теперь она плохо спала и часто просыпалась. В голову лезла всякая чушь, и постоянно вспоминались бесчисленные клиенты. Неумелые, краснеющие юнцы, бледнеющие старцы, требовавшие чего-то сверхъестественного, способного пробудить навсегда угасшие чувства, и сильные, как животные, мужчины, доводившие до экстаза.

Пани Ядвига понимала, что азарта и страсти молодости уже не вернуть. Она любила наблюдать за ухоженными панами и хорошо представляла, что скрывалось под белыми рубашками, модными галстуками и лакированными туфлями. Запах мужского парфюма все еще волновал ее, пробуждал воспоминания о безумных днях и ночах. Ей было трудно избавиться от темной и запретной части своего естества, скрывавшейся за маской

добропорядочной престарелой хозяйки. Зрачки пани Ядвиги расширились, когда встречались пристойные паны. Она понимала, что в безвозвратно ушедшем прошлом остались всплески и выплески яркой жизни, волновавшие душу, кровь и теперь.

Марию она оценила с первого взгляда, когда сельскую скромную девочку привели на смотрины. В старом ситцевом платье, с плетеной сумкой, с нехитрым набором вещей, Мария впервые попала в большой город, полный соблазнов, волновавших юную, наивную и чистую душу. Глаза пани сразу оценили безупречные пропорции юного тела, острые груди, пухлые губки и огненный взгляд черных глаз, способных мгновенно зажечь огонь желания даже у самого холодного мужчины. Пани Ядвига сразу вцепилась толстыми распухшими пальцами в узкие, но сильные плечи сельской девушки, словно пытаясь урвать для себя частицу ее юности и красоты.

— Что ты можешь делать?

— Все, что прикажете, — покорно отвечала Мария, надеясь вырваться из сельской нищеты и тяжелой работы, превращавшей молодую девушку к тридцати годам в старуху с грубым голосом и скрюченными пальцами. Зато руки городских пани всегда были нежными и мягкими, как у младенцев.

— Ты должна благодарить Бога и меня, что

даю шанс, возможность вырваться из твоей глуши, — старая женщина знала, что говорила. Кроме борделя, бедной сельской девушке без знакомых и родных устроиться в городе было невозможно. Наметанный взгляд сутенеров сразу находил очередных жертв, которые после отказа в трудоустройстве жевали последнюю булку на скамейке в парке или обреченно бродили по вокзалу.

— Пани негде поселиться? Я могу помочь, в долг, — эlegantный змей-искуситель опытным взглядом оценивал товарные возможности юного и еще здорового тела, способного стать источником постоянного дохода.

Представив позорное возвращение в родное село или маленький городок, где неминуемо ожидали до конца жизни нищета, убожество и тяжелая изнуряющая работа, девушки покорно следовали дорогой в ад.

Вечером в маленькую затхлую комнатку являлся опытный делец — сутенер с бутылкой вина. У некоторых девушек в глубине души давно скрывалось желание уйти от жизни, полной забот, обязанностей и непосильного труда. Им хотелось красивой жизни, предаться безудержному пороку — и, наконец, освободиться от всего ужаса и спрятаться в притонах большого города.

Хмель освобождал от страха, а ласки

опытного сутенера сразу пробуждали спящую чувственность. Превращение в жрицу любви с затуманенным взглядом и постоянным поиском очередного клиента происходило быстро, почти без исключений...

Пани Ядвига прошла все эти запутанные стежки-дорожки, но, в отличие от других жриц любви, сумела вырваться из грязи и стать почти настоящей дамой. Теперь она старалась одеваться у хороших портных и в дорогих магазинах, однако опытный взгляд сразу замечал отсутствие врожденной гордости настоящей пани, а только тщательно скрываемую изворотливость. Десятки лет, проведенных на кроватях в темных комнатах борделей, не могли пройти бесследно, и пани Ядвиге иногда хотелось хоть на мгновение снова ощутить себя в потоках изощренного порока.

Она только вздыхала и успокаивала себя мыслями о том, что почти все ее подруги давно зарыты на окраинах города в общих могилах и только некоторые доживают свой век в богадельнях, где униженно выпрашивают лишний кусок черствого хлеба и жуют его беззубым ртом...

Пани Ядвиги встрепенулась, и ей вновь захотелось хотя бы на миг оказаться в водовороте той вечной жизни, где, как в театре, менялись лишь исполнители, а сценарий, написанный Дьяволом, оставался неизменным. Она понимала, что путь на

ту сцену навсегда закрыт, но теперь ее устраивала роль зрительницы, и даже не из первого ряда партера, а хотя бы через замочную скважину.

— Пошли! — наконец властно сказала хозяйка после длительных приготовлений. Мария проводила с ней у зеркала по несколько мучительных часов. Одевание корсета, платья на обрюзгшее тело и обувание модных туфель на распухшие ноги требовали адского терпения. Под толстым слоем пудры трудно было спрятать годами накапливавшиеся морщины, а яркая помада на губах и черная тушь на ресницах, густой парик превращали ее в живую изношенную куклу.

Медленно, несколько раз повернувшись перед зеркалом, пани Ядвига надевала украшения. Золотой кулон с рубиновым камнем на груди мог сразу приковать взгляд многих мужчин, мечтавших любой ценой вырваться из стесненных обстоятельств. Серьги и массивное кольцо завершали облик представительной и свободной пани, способной привлечь и отблагодарить мужчин за определенное внимание на взаимовыгодных условиях. Подводило только колено, которое болело все больше и заставляло прихрамывать. Несколько раз попробовав идти быстрее, Мария уже ожидала следующей сцены от хозяйки.

— Иди рядом, — тихо командовала пани, вцепившись в руку Марии. — Медленней. Куда

бежишь, как коза, задрав хвост, — зло шипела на ухо.

Хитрый и изворотливый ум подсказал, что гораздо лучше, если рядом будет идти не простая сельская девка, а, к примеру, ее племянница. Вот почему одежду простой девушки-служанки она решила заменить нарядом городской панночки и не пожалела на это денег.

— Юбку здесь надо поднять и шею немного открыть, — развалившись в кресле, пани давала указания старому, плешивому еврею-закройщику с матерчатым метром, свисавшем через тонкую шею.

— Ты должен знать, как из этой селючки сделать настоящую городскую пани.

— Зачем делать? — отвечал мастер. — Она и так уже первая городская красавица, все господа будут от нее без ума.

Получая деньги, он заключил напоследок:

— Помню, пани Ядвига совсем недавно была такой же.

Но это только рассердило заказчицу:

— Я была лучше, нашел с кем сравнивать.

Теперь Мария шла рядом и вполне походила на родственницу богатой пани, внимание к которой пристойных панов сразу возросло.

— Пойди в костел и поставь свечку за мое здоровье, без меня ты бы давно сгнила в своем хлеву. Помни это, — напоминала пани Ядвига, как

только выпадала свободная минута.

— Не смей больше никогда говорить на своем русинском наречии, ни одна настоящая пани в городе себе этого не позволит, — почти закричала пани Ядвига, когда Мария машинально что-то ответила уличной торговке на привычном с детства языке.

В родном маленьком городке в костеле службу правили на языке панов, а в тесных лавчонках, куда посылала ее мать, соль и спички просила на еврейском, очень похожем на язык немца, жившего в двухэтажном доме в парке с большим прудом.

— Как прикажете, пани, — покорно отвечала Мария и сама понимала, какое счастье свалилось на ее хрупкие плечи, которые только чудо спасло от непосильного крестьянского труда.

Работа в поле в изнуряющую летнюю жару и осеннюю слякоть, вечно голодная скотина, постоянно требующая еды, быстро превращали любую русалку в злобную мегеру, ненавидящую весь мир. Да и в вечно грязных предместьях большого города жизнь была не лучше. По утрам толпы работяг уныло плелись на мыловаренные, кирпичные и свечные заводики. Измученные и унылые, они уже в темноте доползали до своих коек или вваливались в шинок или пивную, где начинали с нескольких рюмок водки. Потом

появлялись, неизвестно откуда, растрепанные женщины и утаскивали мужчин в свои норы, где обирали свои жертвы до последнего гроша.

Вечный и неизменный кругооборот такого существования перемалывал, как жернова, любого, у кого не хватало сил карабкаться по жизненной лестнице, безысходность затягивала все глубже и глубже.

Мария иногда искренне благодарила Бога и пани Ядвигу, которые помогли, по ее искреннему убеждению, избежать такой страшной участи.

— Настоящая пани, — с упоением и восторгом в который раз рассматривала себя в зеркале. Гордый поворот головы с ухоженными темными волосами, спадающими на длинную шею. Платье обольстительно обтягивало высокие упругие груди без корсета, а изгиб талии подчеркивал пропорциональную полноту бедер. Только натурально алые губки и острый взгляд черных глаз из-под длинных ресниц напоминали испуганную сельскую девочку, впервые перешагнувшую порог в доме пани Ядвиги.

В первые дни своего пребывания она слышала:

— Будешь спать в комнате у балкона, с окнами во двор.

С самого утра Мария старательно подметала, мыла и натирала паркетный пол. Девушка боялась

остановиться и разогнуться, опасаясь, что это чудо вдруг закончится, и она вновь окажется в сельском хлеву, где возле корыта громко хрюкают прожорливые свиньи...

— Пани Ядвига, нашла, — Мария в самых неожиданных местах поднимала геллеры и гроши и поспешно несла их своей хозяйке. И пани Ядвига только через несколько дней, когда убедилась, что все монеты, оставленные ею в самых неожиданных местах, неизменно возвращались на столик рядом с ее креслом, сказала:

— Похоже, что ты девушка хоть и сельская, но честная. Останешься у меня.

Тогда сердце Марии чуть не выскочило из груди от радости, но, оказывается, все только начиналось. У пани Ядвиги в руках появился тонкий и гибкий хлыст, обжигающий юное и чувствительное тело, как огонь.

— Руки убери со стола, — раздавался металлический голос. Мария внезапно ощущала обжигающий удар и слышала грозное напоминание:

— Возьми нож в правую руку, а вилку — в левую!

Мария чувствовала себя маленьким и беззащитным животным в руках дрессировщика, полностью подчинившего ее волю. Перед сном она находила новые и новые болезненные следы воспитания на теле и даже делала примочки.

— Тебе не нравится? — злорадно спрашивала истязательница, когда видела, как вздрагивало тело ее жертвы после прикосновения хлыста. — Если хочешь, можешь уйти. Я тебя не держу!

— Нет, что вы. Я буду делать все, что прикажете, — девушка глотала слезы, с трудом сдерживая крики боли. Но экзекуция продолжалась.

— У меня ты быстро освоишь все, что годами изучают девицы в разных пансионах, и сможешь свободно общаться с настоящими панами.

Мария скоро заметила, что непроизвольно стала двигаться, сидеть, стоять и пользоваться столовыми приборами правильно, так, как это делают высокопочтенные пани.

— Дома ты будешь делать все, что делают служанки, и беспрекословно, иначе ты знаешь, как я тебя накажу, — пани Ядвига с удовольствием замечала следы затаенного страха на красивом личике и преданность. — Выйдя из дома, ты будешь для всех моей племянницей, настоящей городской пани, — на измученном ночными балами лице пани Ядвиги показалась улыбка. — Тогда ты сможешь знакомиться только с настоящими панами, представляешь? — глаза пани Ядвиги затянулись туманом от тщательно скрываемых воспоминаний.

Мария боялась потерять возможность приоткрыть, наконец, дверь в тот сказочный мир, в

существовании которого наконец убедилась, прогуливаясь со старой спутницей, крепко держа под руку и как бы поддерживая ее тяжелое и рыхлое тело.

Холеные паны в белых накрахмаленных рубашках могли появиться в кафе только к обеду после бессонной ночи за картами или в одном из бесчисленных борделей. Кафе чередовались с борделями или банками, куда, не поднимая глаз, забегали услужливые клерки. Паны курили дорогие сигары, пялили глаза на каждую приличную женщину и обсуждали ее достоинства за бокалом вина.

Пани Ядвига теперь тоже ощущала их взгляды. Они соскальзывали с ее кулона на груди и словно раздевали Марию. Сколько всего знала она о таких мужчинах — представить трудно, но ее кровь все еще согревали воспоминания.

— Мария, запомни, легкая добыча стоит дешево. Ты должна заставить других волноваться и терять голову, — любила поучать опытная наставница, делясь своим богатым опытом и получая почти физическое удовольствие, присутствуя при зарождении любовной истории.

— С такими даже не говори, — показывая на холеного франта, с ровным пробором напомаженных волос и тросточкой, говорила бывшая проститутка. — Это альфонс, разденет до

нитки и бросит, — со злостью добавила пани Ядвига, пытаясь погасить в памяти одно из своих многочисленных разочарований.

Мария вдруг почувствовала, как дрогнула рука пани Ядвиги, когда встретились два щеголеватых гусара в парадных мундирах и начищенных до зеркального блеска сапогах, держа руку в белой перчатке на эфесе сабли, аксельбанты подпрыгивали на обтянутой мундиром груди.

— Смотри, Мария, стоящие паны, щедрые, не скупятся.

Мария даже покраснела от такого несдержанного проявления искренних чувств. Блеск военных мундиров, напор и чувство безграничной силы поразили ее, когда она впервые увидела гусара Густава на верховой лошади.

4

— Первая после Бога! — ощутила Примадонна в конце финальной оперной партии, когда ее голос пронзил весь зал, и только купол театра смог сдержать экспрессию чувств. Годы тяжелой ежедневной работы над каждым движением души, постоянных ограничений для тела, жаждущего обычных утех, доступных каждой женщине, превратили ее в нечто грандиозное для простых смертных.

Она ощущала, что все, накапливавшееся в ее страстной натуре еще юной певицы, только теперь на сцене находило выход, и как острая стрела, попадало в сердца чувствительных зрителей. Даже некоторые субъекты, случайно сюда попавшие и уснувшие, в растерянности открывали глаза.

— За все в жизни надо платить, — навсегда остались в памяти слова первого учителя музыки в маленьком прикарпатском селе. Прекрасная природа, горы, монотонный шум горной реки и чудесные песни девушек вызывали тоску по чему-то недостижимому.

Силой характера она сумела разорвать этот, казалось, замкнутый круг безысходности традиционного воспитания, обычно приводившего к раннему замужеству и многочисленным детям, а в ее почтенном для родного села возрасте — уже и к внукам.

Зато теперь она ощущала и словно даже впитывала вожделенные взгляды зрелых благородных мужей и еще безусых студентов, мечтающих только прикоснуться к ее руке. Примадонна ощущала, как повелевает залом, внимающим каждому порыву ее души.

— Джузеппе, не надо, — тихо шептала она и все сильнее прижималась к молодому и сильному телу, доведшему ее до экстаза в финальной сцене.

Впервые за годы выступлений на роль партнера и главного героя попался солист с молодым телом, еще не утративший свежести ощущений и жажды жизни.

— Милый, — в приступе страсти она даже перешла на свой родной язык и без всякого смущения открывала ему глубину своей страсти. Сидя в гримерной в большом мягком кресле, в массивной деревянной раме зеркала напротив видела лицо влюбленной японки с длинными наклеенными ресницами, большими полуоткрытыми, ярко покрашенными губами и спину матроса-победителя. Тусклый свет электрических лампочек отвлекал и не давал забытья от утомительной театральной суеты.

За дверью гримерной иногда раздавались голоса и стук рабочих, разбирающих декорации. Месяц продолжались гастроли в миланском театре Ла Скала, и каждый вечер она умирала от страсти к лейтенанту Паркеру, а затем была вынуждена возвращаться в роскошный номер гостиницы, где бросала букеты на пол. Не включая света, открывала окно и смотрела на бурлящую весельем итальянскую ночь.

Только ближе к полуночи обнимала хрустящую накрахмаленную подушку и отчаянно звала:

— Джузеппе...

В последний день их общих выступлений в опере вдруг отчетливо поняла, что больше его не увидит. На сцене, казалось, ожила настоящая мадам Баттерфляй, переполненная неземной тоской по лейтенанту Паркеру, сумевшему покорить ее сердце. Она пела и держала лейтенанта за руку, пытаясь удержать свою любовь. Громадный зал театра Ла Скала замер, потрясенный голосом певицы и глубоким перевоплощением в образ безумно влюбленной девушки.

Примадонна помнила удивительную акустику громадного зала, освященного великими мастерами сцены. Публика была поражена, и только после паузы раздались громогласные аплодисменты. Тогда она была сама собой, а в июне завершался театральный сезон, начатый еще в декабре. Знойное итальянское лето не могло пробиться на сцену через многочисленные коридоры более двух сотен лож на пяти ярусах, приближенных к сцене. Все это действо тогда, казалось, жило ради бурлящих чувств, переполнявших душу и тело влюбленной женщины.

Все закончилось как обычно — церемонией прощания, где она с трепетом ожидала приезда Джузеппе с букетом цветов. Под пристальными взглядами журналистов на перроне вокзала, всегда жаждущих добавить остроты в пресные описания жизни оперных звезд, она смогла только крепко

сжать его сильные пальцы и прошептать:

— До свидания, милый.

Похожая на лабиринт гастрольная судьба и непредсказуемые расчеты импресарио постоянно разводили их по разным странам, городам и сценам. Она часто заказывала в гостиничные номера газеты, в которых находила среди разнообразных отчетов об оперных постановках крупицы правды из жизни любимого. На одном из редких светских приемов она вдруг выпустила из рук бокал шампанского, когда краем уха услышала, что у Джузеппе уже новая пассия.

Она пела на лучших оперных сценах от Вены до Буэнос-Айреса, покоряла и ослепляла своим талантом, настоящим, как выдержанное изысканное вино, способное кружить голову и забываться от серости обыденной жизни. Она жила на сцене с лучшими из лучших, большинство из которых уже запечатлены на портретах и в бронзовых бюстах в вестибюлях известных театров мира. Бесподобные голоса теноров и бархатных басов заставляли трепетать сердца замороженных зрительниц, в упор не видевших их массивные обрюзгшие тела. Изнуряющие ежедневные репетиции, когда голоса, казалось, застывали на верхних нотах под куполом театра, требовали еще и много энергии. Примадонна иногда попадала на общую трапезу и с ужасом наблюдала, как

официанты едва успевали забирать пустые блюда и подливать вина.

— Хорошо, — знаменитый мадридский тенор наконец откинулся на спинку кресла в ресторане, расстегнул несколько верхних пуговиц шелковой бордовой рубашки и взял толстую гаванскую сигару. Предупредительный официант словно вырос за спиной и щелкнул зажигалкой. В Мадриде, кроме корриды, где с восхищением созерцали убиение громадных и яростных быков, обожали оперу и певцов наряду с тореадорами, ставшими национальными героями.

Маленький юркий официант в белой рубашке ловил каждое движение такой знаменитости, завсегда лучшего мадридского ресторана. Под пальмой у журчащего мраморного фонтанчика он любил обедать и пригласил партнершу. Примадонна была потрясена этим пиршеством настоящего Гаргантюа даже больше, чем его голосом. Она уже давно заметила, что такие трапезы возбуждали звезд оперы даже больше, чем ее собственное присутствие в любовных сценах.

— Джузеппе был не такой, — иногда с тоской вспоминала сильное молодое тело, всегда жаждущее любви, когда приходилось попадать в объятия громадного рыхлого певца, издающего божественные звуки.

Примадонна благодарила Бога и родителей,

наградивших ее изысканной аристократичной внешностью, талантом и здоровьем, давших возможность стать звездой оперных сцен.

У самых Карпатских гор, среди густых лесов и бурных речек земля и воздух были наполнены гармонией единства с миром и Богом. После занятий в гимназии и уроков игры на фортепиано она, уже засыпая, слышала протяжные и тоскливые песни, сладко сжимавшие сердце. Короткий девичий век, переполненный смутными и тревожными ожиданиями, вышивками, сказками и легендами родного края, заканчивался сразу после свадьбы. Изнурительная работа летом и зимой и тяжкий груз семейных обязанностей превращали девушку к тридцати годам в усталое и загнанное существо, со страхом ожидавшее очередных родов, способных погубить жизнь и дать еще одного нахлебника. Замкнутый круг неизбежности могло разорвать только достойное образование.

Отец, священник, единственный в селе построил дом под железной крышей и выписывал газету, которую дважды в неделю приносил почтальон в мундире. Безбедную жизнь обеспечивала церковная служба и прихожане, почтительно скидавшие шапки и сгибавшиеся до пояса еще на другом конце улицы, где в канаве копошились гуси и бляели недоенные козы.

— Тебе, доченька, дальше учиться надо, сам

Бог велел, — отец после обеда торжественно открывал газету и погружался в жизнь громадного мира, такого далекого от повседневных сельских забот. Он смотрел близорукими глазами поверх тонкой металлической оправы очков на свою любимую дочку, старательно повторяющую гаммы на пианино.

Дважды в неделю хозяин лавки на запряженной рыжими понурыми лошадьми упряжке привозил такую же уставшую от жизни старую деву из соседнего городка. Она не снимала свою шляпку даже во время уроков и удивлялась музыкальной памяти своей ученицы, почти сразу повторявшей мелодию.

— Святой отец, ваша дочь — большой талант, — как-то даже немного расстроившись, была вынуждена признать учительница.

Благополучие семьи обеспечивали преимущественно крестины и похороны, которые святой отец записывал в церковную книгу. Между этими датами помещались человеческие жизни, отмеченные синими чернилами, были годы тяжелой изнурительной работы и бедности, несостоявшиеся надежды вырваться из этого замкнутого круга безысходности.

Достаточно образованный святой отец после чтения газет, открывавших глаза на большой мир, почти недоступный пониманию простолюдинов,

решил учить свою любимую дочку.

— Доченька, я верю в тебя, — благословлял он ее перед путешествием в большой мир, где предстояло утвердиться в жестокой борьбе.

Гены трудолюбивых и упорных предков, выживавших в сложных жизненных перипетиях, и талант от Бога помогли сотворить чудо из маленькой худенькой девочки.

— Совсем неплохо, — скупой на похвалы профессор консерватории пан Невядомский слушал, закрыв глаза, голос талантливой студентки. Казалось, она не покидала консерваторию, пытаясь извлечь максимум не только на занятиях сольного пения, но и по классу специального фортепиано.

— Еще раз, — уже поздно вечером она прикасалась к клавишам фортепиано, стремясь сделать музыку частицей своего естества.

В мягких чертах красивого лица трудно было заметить следы тех стараний и сверхусилий, поднявших над толпой на лучшие оперные сцены мира.

— Благодарю всех моих учителей, — в день окончания консерватории она показала всему залу золотую медаль выпускницы и торжествовала, что одержала первую большую победу.

— Буду лучшей из лучших, — с наслаждением она наблюдала следы зависти и почти ненависти на лицах богатых и знатных

однокурсниц. С какой спесью садились эти выскочки после занятий в предупредительно распахнутые дверцы еще диковинных автомобилей, увозящих на светские развлечения.

До глубокой ночи она оставалась в залах консерватории, пока привратник не начинал раздраженно заглядывать в полуоткрытую дверь.

Подняв воротник от холодного осеннего ветра, студентка возвращалась в маленькую съемную комнатушку, а в душе все звучала музыка.

— Мое почтение, пани красавица, — дорогу преградил поклон ночного искателя приключений, снявшего шляпу с напомаженной бриолином головы. Взгляд опытного ловеласа сразу оценил достоинства одинокой прохожей с затуманенным взглядом. Она только едва усмехнулась в ответ и привычно проскочила между его тросточкой и стеной дома. Скольких поклонников пришлось обойти таким же способом! Она знала, что не имеет права отдаться своим минутным слабостям и женским желаниям и по ночам крепко сжимала подушку.

— Боже, помоги побороть соблазны, — шептала она и повторяла молитву, как послушница монастыря с самым жестким уставом. Все, что мешало достижению цели, надо было преодолеть и подчинить. Муж, семья, дети — все это осталось за той красной чертой, отделяющей от прозябания и

серости обыденной жизни.

Она победила себя и стала Примадонной, сумевшей свои страстные желания передать в вибрациях голоса, разрушавшего крепость даже каменных сердец. Она вернулась в Лемберг уже победительницей, получившей славу и признание на лучших сценах, где вызывала восторг публики своим пением.

Запомнился раскаленный Каир, раскинувшийся на краю пустыни, где в вечерней прохладе так легко и естественно было перевоплотиться в Аиду, готовую в любовном безумстве отдать жизнь. Покорил своей легкостью гламурный Париж, холодно-аристократический Петербург запомнился тонкостью восприятия ее Аиды.

Небожительница мира, Примадонна перемещалась с одной вершины оперной сцены на другую, уже почти не касаясь грешной и грязной земли. Дорогие гостиницы и рестораны теперь стали постоянными атрибутами ее звездной жизни. Менялись города, театры и сцены, гримеры и осветители, директора, оркестры и публика, забивавшая до отказа большие залы.

— Пани, есть несколько новых предложений, и на очень хороших условиях, — в конце очередных гастролей полный усатый импресарио обычно за ужином в ресторане предлагал выбрать

маршрут будущих гастролей. Названия опер и знаменитых партнеров, готовых соединить голоса, погружали в какой-то транс, а внутри сразу начинала звучать музыка и голоса лучших из лучших. Энрико Карузо, Титто Руффо, Федор Шаляпин вдруг появлялись в памяти из списка ее великих современников, потрясших души.

— Хочу в Лемберг, — все чаще повторяла Примадонна, утомленная бесконечными переездами и уже вкусившая все прелести гастрольной жизни. В океане бурлящего мира родной город уже стал напоминать тихую гавань, где можно успокоить растревоженную душу. Особенно любилося возвращаться, когда в Лемберге построили похожий на дворец железнодорожный вокзал. Ее встречал запах паровозного дыма, сопившегося под застекленным перекрытием, и многочисленные поклонники, оповещенные городскими газетами.

— Вельмишановна пани, просим несколько слов о предстоящих спектаклях, — шустрые корреспонденты старались буквально вырвать из ее губ какие-то откровения и завтра разместить на первых страницах своих газет.

— Спасибо, панове, потом, — она вяло отмахивалась от привычной суеты и украдкой радовалась встрече с родной землей.

Только некоторые из встречающих видели ее

выступления, а для большинства Примадонна стала почти идиолом, кумиром, которому должен был поклоняться каждый горожанин. Постоянные воспоминания о знаменитой землячке, поднявшейся из глуши на лучшие оперные сцены мира, и упоминания о ней в разделах светской хроники наряду с императорами и королями волновали кровь.

— А вы знаете, кто присутствовал на постановке оперы Джузеппе Верди в Париже? — глаза дамы под руку с джентльменом в дорогом костюме закатывались почти до края кокетливой шляпки.

— Премьер-министр Франции Пуанкаре! — и дама с восторгом сама выдыхала ответ.

Оказывается, существуют личности из ряда вон выходящие, сумевшие подняться вровень с самыми великими мира сего.

— Мы восхищены талантом и успехами нашей знаменитой землячки, — после первого дня гастролей к ней поднялись три депутата Галицкого сейма с корзиной роз, а из-за их спин сразу выпрыгнули корреспонденты, стремясь сделать на завтра отчет в городских газетах.

Примадонна была еще в гриме, и депутаты сначала даже оробели перед ее впечатляющим сценическим обликом. Потом депутат от социал-демократов в черном строгом костюме с

манишкой поправил на коротком носу позолоченную оправу пенсне и словно проснулся.

Речь провинциального словесного эквилибриста удивила даже немного уставшую после представления певицу. Только когда ее ослепила вспышка с треноги фотоаппарата, она улыбнулась и вспомнила о предстоящих выборах в Сейм. Примадонна уже давно поднялась над этой суевой, грязью, историями, жестокой борьбой за влияние и связи в мире расчета и чистогана. Совсем недавно в конце финальной арии Валькирии она вдруг обнаружила, что осталась одна, совсем одна.

Всеобщее признание и громкая слава подняли на такую высоту, где уже исчезла необходимость бороться за существование и манипулировать чужими мнениями.

— Первая после Бога, — грех гордыни снова пытался овладеть ее душой, но сила чувств, отточенных постоянными занятиями пения, помогла справиться с искушениями.

Политики, партии, премьеры и нувориши уже не могли искусить ее высокую и закаленную душу. С ее высоты даже бурлящая жизнь за массивными стенами театра напоминала сцену, где посредственные исполнители постоянно пытались играть все ту же банальную и скучную пьесу. Примадонна, казалось, жила и купалась в волнах всеобщего обожания и восхищения. Иногда ей даже

чудилось, что для нее и других небожителей создавались специальные храмы, дающие возможность проявлять и блистать их талантами и дарованиями.

В первых столицах Европы роскошные здания театров своими архитектурными изысками и богатым убранством уже стали превосходить самые знаменитые соборы и храмы. Только вместо уже наскучившей церковной литургии там звучала музыка и ее божественный голос.

В громадном зале театра, застыв от восхищения, она чувствовала, что в глубине уже зрелого женского тела, переполненного подавленными желаниями, рождалась ее единственная настоящая страсть. Застывшие в экстазе темные зрачки на заgrimированном лице в момент кульминации оперной арии, казалось, проникали в сердца уважаемых панов в первых рядах партера и совсем юных студентов, восторженно поевавших ее глазами с самых дальних уголков балконов.

— Да это настоящая власть, счастье и блаженство, — где-то глубоко в душе словно пульсировал экстаз наивысшей радости, сравнимый с удовольствием от любовных утех.

Примадонна уже много лет царствовала на лучших оперных сценах и, казалось, заряжалась чувствами своих бесчисленных поклонников,

навсегда поселяясь в их души. Звуки музыки стали частью ее естества и сливались в единое целое. Она хорошо помнит неумемную радость мелодий Штрауса, передававших кипение чувств Австро-Венгрии. Тогда еще совсем молодой император воплощал надежду на процветание и веру в прогресс при его правлении. Счастливые подданные, важные сановники и трудолюбивые крестьяне, казалось, истинно почитали своего правителя и умели радоваться жизни.

Примадонна теперь особенно остро ощущала незаметное угасание счастливой эпохи вальса, балов и слишком неприкрытой радости бытия, начавшей раздражать многочисленных подданных империи, так и не сумевших отломать свой кусок праздничного пирога. На гастролях в Берлине она особо остро ощутила, что времена Россини и Верди заканчиваются и все неумолимо возрастает сила Рихарда Вагнера. Тысячи восторженных зрителей, казалось, впитывали несравненную мощь оркестра в «Кольце Нибелунгов». Она ощущала, как из влюбленной девушки героини жизнерадостных опер внезапно превратилась в участницу мистерии с бесконечно нарастающим напряжением, и любовные ласки все не могли разразиться оргазмом, а империя — победоносной войной.

— Брависсимо, — возбужденная берлинская публика после полета Валькирии поднялась с места

в едином мистическом порыве, повинуюсь замыслам божественных сил.

Гастроли в Лемберге успешно завершались и Примадонна особенно остро ощущала радость бытия в своем родном городе. Несколько раз певица возвращалась на сцену после частых аплодисментов, и вновь ее голос завораживал публику. Наконец она ушла за кулисы и в гримерной рассматривала свое лицо, появлявшееся из-под слоя театральных красок.

— Вы, пани, совсем молодая, — раздобревшая гримерша благоговейно снимала ватой краску в уголках глаз.

— Знаю, — Примадонна прекрасно чувствовала свою силу зрелой, талантливой женщины, способную затмить любую юную красавицу. Наконец при выходе из театра певица могла снова наслаждаться восторженными взглядами поклонников, невидимых со сцены.

Благородные и солидные паны были готовы опуститься на колени, а некоторые даже бросить к ее ногам свою судьбу и богатство. Два отчаянно смелых гусара в красочно расшитых мундирах словно сошли с театральной сцены с букетами цветов. А юный студент все стоял, словно парализованный ее внезапным появлением, и не мог протянуть цветы.

— Жизнь прекрасна, — подумала Примадонна и села в предупредительно открытую дверцу автомобиля.

5

Война казалась похожей на веселую оперетту Кальмана, где бравые гусары успевают пить шампанское, танцевать на балу, покорять красавиц и, кроме всего прочего, одерживать военные победы. Дряхлая Австро-Венгерская империя словно заснула летаргическим сном и готовилась к войнам столетней давности. Гусары в огненно-красных брюках, ярко-синих с золотой окантовкой мундирах и блестящих ботфортах вызывали восторг, когда эскадроны с цокотом кованых лошадей шествовали по узким улочкам Лемберга.

Мария из открытого окна своей комнаты тогда увидела юного, прекрасного гусара. Букетик фиалок, купленный вчера, стоял на подоконнике в маленькой комнате и, брошенный ее рукой, полетел из окна. Натренированная разить саблей любого врага рука гусара легко и ловко поймала эти цветы. Девушка сразу утонула в глазах красавца и, затаив дыхание, смотрела и смотрела ему вслед до тех пор, пока эскадрон не свернул на другую улицу.

Появление сказочного принца в мире расчета

и разврата взволновало тонкую душу Марии. Оказывается, в мире существуют мужчины, способные покорять сердца улыбкой и своей элегантностью. По ночам Мария просыпалась и прислушивалась к своему разгоряченному телу, которое жаждало сказочной и настоящей любви, и не могла уснуть до утра. Услышав цокот кованых копыт, она тут же бросалась к окну, надеясь снова увидеть свою мечту.

— Помни, любовь выдумали, чтобы не платить, — заметив перемены в поведении девушки, опытная наставница решила предостеречь ее от непоправимых ошибок.

— Да не может такого быть, — она смущенно отводила взгляд, удивляясь пронизательности хозяйки. Все, что говорит пани Ядвига, было правильно для других, а у нее особый и неповторимый случай. Поэтому назойливые наставления хозяйки пролетали мимо ее маленьких ушек.

— А как его зовут? — задумалась Мария, когда попыталась придать сказочному образу более конкретные очертания, и узнала, что в гонведском гусарском полку могли служить только знатные или, по крайней мере, небедные венгры, которым претила рутинная пехотная муштра. То ли дело гусары на породистых лошадях, в ярких одеждах, с развевающимися перьями на высоких головных

уборах. И поэтому не удивительно, что когда эскадроны гусар выбивали дробь по мощным улицам старого города, казалось, что возвращались времена героических подвигов предков, описанные в учебниках, или начиналась очередная оперетта со сказочными любовными историями и неизменно счастливым исходом.

Мария верила и надеялась, что и у нее будет такая же счастливая судьба.

— Нет, не он, — уже в который раз в отчаянии девушка отходила от окна.

— Как же его зовут? — снова подумала Мария. — Ведь я даже не знаю имени!

У городского рынка она отыскала старую цыганку в пестром цветастом платье с надвинутым на самые глаза темным платком и дымящейся сигаретой в толстых губах.

— Знаю, знаю, чего ты хочешь, — пробормотала гадалка и сунула деньги в бездонный карман широченной юбки. Посмотрев на узкую изящную ладонь, уверенно сказала:

— Густав его имя.

Затем цыганка округлила миндалевидные глаза и произнесла:

— Если еще добавишь, расскажу о твоём будущем.

Мария пошарила в сумочке, нашла деньги, которые пани Ядвига дала на керосин, и, как

завороженная, молча положила в сморщенную руку.

— Ты его скоро встретишь, и он будет с тобой навсегда.

После этого Мария словно в тумане ходила несколько дней и уже безропотно выслушивала ругань хозяйки за отсутствие керосина в лампе.

— Будет мой и навсегда! — повторяла она, как заклинание, самые желанные для нее слова цыганки.

Однако время шло, но ничто не подтверждало предсказанное.

— Опять плохо убрала в моей комнате, — встречала утром сердитым бормотаньем хозяйка.

— Да и постельное белье плохо накрахмалено, я не слышу хруста.

Устраивая свое грузное тело на постели, она сердито срывала простынь, которую только накануне сменила служанка.

— Исправлюсь, пани Ядвига, — торопливо извинялась Мария.

— Не забывайся, кто ты и откуда, а то еще возомнишь себя настоящей пани, тогда я тебя быстро выгоню.

Когда Марии удавалось ускользнуть от непрерывных наставлений и укоров в ближайшую бакалейную лавку, она начинала радоваться жизни, верить в успех мечтаний.

— Здравствуй, Мария, — усатый дворник в фартуке старательно орудовал метлой. На улице только он любил пошутить с ней на ее родном языке.

— Ты еще жениха не нашла?

И, не дождавшись ответа, посылал вдогонку:

— Моя жена умерла, теперь я снова свободен.

Она морщилась от таких шуток и быстро забегала в бакалейную лавку, где у входа на польском, немецком и еврейском языках маленькими красными буквами были написаны названия продаваемых товаров.

— Здравствуй, красавица, — как обычно, встречал ее у порога всегда веселый пан Шпильман, хозяин лавки и отец двоих засидевшихся в невестах дочерей.

— Ты всех наших женихов отвадишь, — каждый раз одинаково начинал он разговор. Шпильман знал всех жильцов соседних домов и пани Ядвигу, еще в его молодости промышлявшую на панели.

Стоило только его круглой, как колобок, жене протиснуться в дверь подсобки, как пан Шпильман прижался к Марии и ущипнул за бок.

— Да вы что, перестаньте! — Мария засмушалась, ведь все хорошо знали о его пристрастии к сомнительным девицам, особенно в отсутствие сварливой жены. Судачили, что пан

Шпильман за определенные услуги отпускал товары со скидкой или даже совсем бесплатно, тоже втайне от супруги.

— Будешь братъ, как всегда, в долг, а расчет в конце месяца? — наклонив голову, он поверх оправы очков опытным взглядом сразу определял одновременно достоинства и возможности клиентки.

Мария уже привыкла к подобным знакам внимания и старалась избегать повышенного внимания старого ловеласа.

— Красавица, заходи в любое время, — услышала она вдогонку комплимент, оборванный появлением жены.

Пан Шпильман хорошо знал подноготную пани Ядвиги и большинства соседей, живших на этой узкой улочке, вымощенной брусчаткой, а с узкого тротуара можно было заглядывать в окна.

— Все пройдет, — главный жизненный вывод, который сделал пан Шпильман. Пани Ядвигу запомнил еще в молодости, когда была она в самом соку, привлекательная, с глубоким вырезом-декольте.

Он хорошо помнил, как, будучи прыщавым юнцом, без гроша в кармане, проходил мимо заведения и косился на прелести красавицы, абсолютно не замечавшей его существования. Когда его женили, он получил бакалейную лавку в